
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Л. Е. ГРИНИН

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ: ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ*

Часть 1. Исторический материализм до 1920-х гг.: анализ достоинств и недостатков концепции

Исторический материализм – важнейшая, в чем-то центральная часть марксистского учения. Насколько он устарел? Есть ли в западном марксизме ростки чего-то нового, что сделает это направление востребованным? На эти и другие вопросы отвечает данная статья. В ней исследуются научные и интеллектуальные достоинства и главные проблемы исторического материализма. Автор подробно показывает, что в методологии исторического материализма и его подходе к исследованию общества оказались весьма ценные находки, удачные и продуктивные методы, которые будут весьма полезны обществоведы, а равно теоретизирующему или стремящемуся к широким аналогиям историку. Даются подробные объяснения этому феномену, а также вскрываются ограничения имеющейся модели истмата, устаревшие и не подтвержденные историей идеи. Дается очерк истории западного марксизма и западной марксистской историографии. Делается вывод, что сегодня судьба истмата и марксизма определяется своего рода парадоксом: его значение растет по мере того, как он растворяется в других теориях. Поскольку он стал как бы частью общего интеллектуального достояния, можно говорить, образно выражаясь, о генетическом дрейфе исторического материализма, который, несмотря ни на что, оказывается живым учением, значимым интеллектуальным резервом, если подходит к нему не как к нерушимой догме, а творчески и критически.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Ключевые слова: исторический материализм, западный марксизм, производительные силы, производственные отношения, принципы производства, базис, надстройка, марксистская историография, постисторический материализм.

Historical materialism is an important and to some extent central part of the Marxist conception. To what degree is it outdated? Are there roots of anything novel that could make this school of thought relevant? The present article answers these and other questions. It studies scientific and intellectual merits and main problems of historical materialism. The author shows in detail that the methodology of historical materialism and its approach to investigation of society possess quite valuable findings, successful and efficient methods that could be helpful to a social scholar as well as to a theorizing historian aspiring for broad analogues. There are given explanations to this phenomenon and there are also revealed the limits of the existing model of historical materialism, and the ideas that are outdated and not proved by history. There is given an essay of the history of Western Marxism and Western Marxist historiography. The author makes a conclusion that today the destiny of historical materialism and Marxism is defined by a kind of paradox: its meaning increases as long as it merges with other theories. Since it became a part of the common intellectual legacy one may figuratively speak about a genetic shift of historical materialism which despite everything appears a live conception and considerable intellectual reserve if to treat it creatively and critically and not as an unbreakable dogma.

Keywords: historical materialism, Western Marxism, productive forces, relations of production, production principles, base, superstructure, Marxist historiography, post-historical materialism.

В первой части статьи мы остановимся на анализе того, какое наследство нам оставил марксизм в области исторического материализма, рассмотрим его наиболее перспективные для сегодняшнего времени методологические и онтологические подходы; покажем, какие достижения марксизма и истмата подтверждены временем, а в чем сказались его слабости; дадим очерк исторического развития истмата с его появления до начала 1920-х гг. Во второй части статьи будет рассматриваться развитие западного марксизма (прежде всего исторического материализма) с 1920-х гг. по настоящее время; мы покажем, насколько возможна систематизация того ценного в нем, подтвержденного временем, что можно развивать,

и каким образом исторический материализм может продолжать эволюционировать, оказывая свое влияние на интеллектуальное развитие.

I. Марксизм и исторический материализм: наследство, методология, критика

По-прежнему живое учение. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно», – был убежден В. И. Ленин [1973: 43]. История, как известно, не подтвердила правоту марксизма, а идея построения социализма и коммунизма на практике провалилась. Однако парадоксальным образом интерес к марксизму остается значительным. Существуют разные мнения о причинах устойчивого интереса к данному учению, об этом продолжают рассуждать сегодня его сторонники и немарксисты [см., например: Eagleton 2011; Джеффрис 2012]. Интерес к марксизму у молодежи и части общества оказался непреходящим потому, что по-прежнему существуют эксплуатация и неравенство, которое к тому же возрастает, имеют место социальная борьба и революции, и по мере развития социальных программ современного государства растет и популярность социалистических идей, даже в США. Возможно, правы те, кто утверждает, что марксизм будет жив, пока существует капитализм, так как у общества с частной собственностью всегда будут критики, а для этого марксизм незаменим и неисчерпаем. Кроме того, с падением мира реального социализма марксизм (особенно среди молодежи) перестает ассоциироваться с репрессиями Сталина и тоталитаризмом СССР [Джеффрис 2012].

В настоящей статье нас интересуют не социальные причины долговечности марксизма, а его научные и интеллектуальные достоинства. И в этом плане интерес к нему оказался непреходящим, поскольку в методологии марксизма и его подходе к исследованию общества оказались весьма ценные находки, удачные и продуктивные методы, которые будут весьма полезны обществоведы, а равно теоретизирующему или стремящемуся к широким аналогиям историку. К. Маркс и Ф. Энгельс (наряду с О. Контом, Г. Спенсером, Ст. Миллем, Э. Дюркгеймом и рядом других социологов), по сути, заложили важные основы современной социологии и теории истории, хотя осознано в западной науке это было далеко не сразу – лишь к середине XX в. или даже в 1960–1970-е гг. Недаром Д. Белл

писал: «Как может быть ученый-социолог антимарксистом?» [Белл 1999: ХСІ].

Наследство, от которого мы не отказываемся. Есть и другие причины, по которым марксизм и исторический материализм остаются в современном арсенале общественной науки. Прежде всего очевидно, что в них дается много верных характеристик капитализма, все еще приложимых к последнему, несмотря на его трансформации. Далее, несмотря на провал многих революционных прогнозов, у Маркса и Энгельса были и верные предвидения, в частности в отношении процесса сближения государств и наций через более тесные хозяйственные связи по мере развития капитализма (недаром сегодня их называют предтечами идей о глобализации). Наконец, как и другие глубокие мыслители, они оставили произведения, читая которые, интеллектуально обогащаешься, глубже понимаешь рассматриваемую эпоху и события, даже если со многим из написанного нельзя согласиться.

В настоящей статье мы будем говорить о той части марксистского учения, которая, может быть, является наиболее важной из реального (а не идеологизированного) наследства, оставленного нам марксизмом и историческим материализмом.

Исторический материализм в структуре марксизма. Хотя в марксизме выделяют ряд областей, он все же и прежде всего представляет собой связанную систему, все части которой, по замыслу его создателей, должны были служить одной цели – обоснованию объяснения необходимости свержения капитализма и организации этого свержения, а затем построения нового коммунистического общества¹. Поэтому в марксизме далеко не всегда легко отделить научную часть от идеологической, или, по выражению Макса Адлера, науку, которая описывает, от этики, которая предписывает.

В связи со сказанным очень важно иметь в виду, что в единой системе марксизма не всегда легко отделить собственно исторический материализм от политической экономии, революционной философии и т. д. Причем ряд наиболее важных идей исторического материализма находится в политэкономических трудах, в частно-

¹ Как пояснял Д. Лукач, исторический материализм не составлял самоцели, его назначение заключалось в том, чтобы прояснить пролетариату его ситуацию, дабы в этой ясно познанной ситуации он мог действовать сообразно своему классовому положению.

сти в знаменитом предисловии «К критике политической экономики» [Маркс 1959].

Следующий важнейший момент, о котором необходимо сказать, заключается в том, что, как и любое крупное учение, марксизм таил и таит в себе возможности развития разных линий и идей; таким образом, происходит диверсификация марксизма². Тем более что многие значимые идеи исторического материализма в работах основоположников марксизма только набросаны, не развернуты, поддаются различным толкованиям. Необходимо также учитывать и то, что в работах разных лет у них могли быть серьезные расхождения в теоретических выводах, периодизациях и характеристиках эпох. Отсюда множество интерпретаций, и подобно тому как это бывает в теологических спорах, Маркс одних исследователей противостоит Марксу же других и т. п. Нужно учесть, что ряд ныне известных работ К. Маркса и Ф. Энгельса был опубликован только в 1930-е гг. Неоднозначный и неисчерпаемый, по выражению Р. Арона (2010 [1968]), Маркс и исторический материализм были и остаются такими по-прежнему.

Наконец, собственно исторический материализм никогда (в отличие от экономической теории) не излагался систематически (как цельная система), а только фрагментарно или в качестве ответа на критику, то есть разработке подвергались лишь отдельные проблемы. При этом более или менее полно он излагался скорее в работах позднего Ф. Энгельса, чем К. Маркса [Aronowitz 1990: 5]. Позже он как бы достраивался и систематизировался в работах марксистов новых поколений (см. раздел III), но у каждого из них имел свои серьезные особенности, породившие разные трактовки исторического материализма. С учетом этих оговорок далее мы попытаемся сосредоточиться на основных положениях и методах истмата.

² Разделение марксизма началось уже в конце XIX в. под влиянием новых явлений в социальной жизни: роста демократии, легальных возможностей социально-демократических партий, роста благосостояния рабочих. Как писал О. Бауэр, марксисты обязаны были научиться анализировать сложные феномены, не подававшиеся схематическому методу Маркса. В результате возник оппортунизм Э. Бернштейна, легальный марксизм в России (П. Б. Струве, М. В. Туган-Барановский), австромарксизм (М. Адлер, О. Бауэр, Р. Гильфердинг), представителей которого занимали национальные проблемы и возможности обоснования социализма как ценности. Если Маркс и Энгельс шли от Г. В. Ф. Гегеля, а последующие марксисты – от материализма, то среди молодых австромарксистов одни оттолкнулись от И. Канта, другие – от Э. Маха.

Исторический материализм как методология истории. В марксизме исторический материализм всегда рассматривали как непосредственную методологию исторического исследования, поскольку задача последнего сводилась к поиску конкретной вариации общего истматовского положения (о классах, происхождении государства, соотношении базиса и надстройки и т. п.) в данном конкретном обществе в определенную эпоху. То есть история становилась служанкой философии истории. При этом важно иметь в виду, что для тех обществ, которые ближе подходили к моделям, описанным в историческом материализме, его категории, принципы и методы неплохо ложились на исторический материал и давали хороший аналитический эффект. При этом (прежде всего по причине революционной нацеленности марксистов и соответствующего спектра их интересов) вокруг исторического материализма сложилась и особая марксистская историческая проблематика. В некоторых отношениях идеи и терминология истмата оказались для них существенно более продуктивными, чем обычная позитивистская методология, лишенная нужной терминологии и опробованных схем³. Однако в отношении эпох, обществ и проблем, для которых исторический материализм не создавался (а создавался он для анализа, во-первых, капиталистических обществ, во-вторых – западноевропейских), его применение оказывалось непродуктивным, а то и губительным для исторических исследований [см., например: Wittfogel 1957; Илюшечкин 1986; 1990; Никифоров 1977; Blackledge 2006: Ch. 4; Grinin 2007; 2009; 2012; Гринин 2006; 2007; 2009; 2018; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015]. И это часто вело к ложным выводам и засилью не соответствующих реальности догм. А поскольку от марксистского историка требовалось соответствие истмату, он оказывался перед сложным выбором, чему быть верным: научной истине или идеологии. Такая ситуация в советской историографии стала важнейшей причиной скрытой оппозиции теоретизирующих историков к официальному историческому материализму (см. далее). Историографическая техника работы с историческими источниками и фактами у марксистских историков в принципе не отличалась от любых других историков.

³ В частности, в плане анализа истории классов и классовой борьбы в некоторые эпохи, народных движений, революций, идеологий, отношений эксплуатации, развития производительных сил и т. п.

Критика исторического материализма и его методологии.

В данной статье мы не имеем возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на положениях, связанных с критикой методологии марксизма и исторического материализма; скажем о пороках и недостатках истмата только в самом общем виде. Что же касается критики революционной и футурологической частей марксизма, то об этом мы по возможности говорить вовсе не будем, тем более что именно эта часть марксологии наиболее развита.

Основные недостатки марксизма и соответственно истмата как его составной части заключались в вере их создателей и последователей в неизбежность социалистической революции и в результате ликвидации класса буржуазии, обязательное установление в будущем коммунистического общества без государства, частной собственности и эксплуатации. С созданием коммунистического общества известная до того история, по их мнению, коренным образом трансформируется (поэтому ее даже называли предысторией).

Вера в то, что будущее определенного типа неизбежно и соответственно предопределено, основывалась на детерминизме, то есть представлении об исторических законах и причинах как неизбежных и жестких, почти как неких внеисторических силах или сущностях, которые реализовываются практически в любом случае, даже вопреки серьезному сопротивлению людей. Детерминизм дополнялся так называемым эссенциализмом – претензией на то, что открыта глубинная, скрытая за явлениями сущность истории, которая якобы всегда неизменна и лишь меняет свои проявления в разных эпохах, обстоятельствах, личностях. Детерминизм и эссенциализм были свойственны далеко не только марксизму, но и целому ряду как предшествующих ему, так и современных научных и философских направлений⁴.

Помимо этого, марксизм критиковали за сопряженные с детерминизмом и вытекающие из его веры в неизбежность коммунизма черты, в целом тесно связанные между собой, составляющие об-

⁴ Например, имел место географический детерминизм, в том числе и в историко-географической школе в Германии, в частности у К. Риттера. В целом это были недостатки, весьма распространенные в философии и социологии XIX в., полученные в наследство от религиозной и идеалистической философии. См. критику подобных философских взглядов: Уайтхед 1990; Башляр 1987; см. также: Карнап 1959.

щую философскую методологию. Речь идет о провиденциализме, то есть представлении о ходе истории как в конечном счете реализации некоего имманентно заложенного ее законами результата, или о своего рода предопределении будущего; об эсхатологии, тесно связанном с провиденциализмом представлении о том, что у истории есть некий финал или что история имеет некий смысл и конечную цель. И то и другое было свойственно не только марксизму⁵. К данным характеристикам К. Поппер также добавил обвинение в историцизме [Поппер 1993; см. также: Его же 1992], то есть убеждении, что существуют инвариантные исторические законы, которые можно открыть и с помощью которых можно прогнозировать будущее, научно управлять обществом и менять его. Т. Парсонс добавил к этим негативным характеристикам индуктивизм, то есть формулирование закономерностей на основе неполных фактов, методом индукции.

Марксисты много раз пытались доказать, что эти обвинения надуманны [см., например: Корнфорт 1972; Раинко 1979; Eagleton 2011]. Однако подобная защита не может отменить тот факт, что с большинством из этих критических утверждений в целом приходится соглашаться⁶. Отметим, что некоторые их моменты даже марксисты, пусть и с большими оговорками, вынуждены признавать [об эссенциализме см., например: Раинко 1979: 61; о детерминизме: Eagleton 2011: ch. 3].

Говоря о серьезных недостатках и даже пороках методологии исторического материализма, важно понимать, что они во многом являются наследием тех учений, которые он не просто использовал, но, с одной стороны, безжалостно критиковал, а с другой –

⁵ Не говоря уже о гегелевской идеалистической философии истории. Романтизм как течение в историографии также базировался на провиденциалистской идее о том, что каждый народ имеет собственную, по сути, предопределенную судьбу.

⁶ В своих работах я также довольно основательно анализировал эти и другие методологические недостатки марксизма в целом и исторического материализма в частности [см.: Гринин 1997–2001; 2006]. Пожалуй, я бы не согласился с обвинением в индуктивизме, а также отметил, что хотя, бесспорно, законы развития общества ни в коем случае нельзя рассматривать как жестко детерминированные (а, напротив, следует рассматривать как вариативные), определенная детерминация тенденций имеет место, поэтому крайне важно такие тенденции искать и формулировать. И в соответствии со степенью детерминации и вариативности имеется некоторая возможность для предвидения, но, конечно, весьма ненадежная.

пытался «перевернуть с головы на ноги». В результате марксизм, будучи последовательно материалистическим, имеет в своей методологии скрытый идеализм. Фактически он сохранил многие недостатки своих предшественников (а в чем-то и распространил их далее): идеализм и провиденциализм Г. В. Ф. Гегеля, представление о законах как неких внешних неумолимых силах⁷; схоластику и стадийный универсализм А. Сен-Симона в своей периодизации истории.

При этом марксизму не удалось полностью преодолеть недостатки своих предшественников не только в связи с общими недостатками общественной науки (см. выше) и по причине того, что его идеи не были систематизированы, но главным образом потому, что конечная цель построения теории была не научной, а мессианской (точнее говоря, классики марксизма верили, что научная и мессианская цели тождественны).

На базе этих на первых порах незаметных идеалистических подпорок в историческом материализме возникли и собственные методологические пороки, доставившие последующим исследователям, особенно историкам, много хлопот и проблем. Перечислим некоторые из них.

На основе анализа наиболее известных в то время обществ и с опорой на теоретические конструкции А. Сен-Симона в историческом материализме за общества, наиболее соответствующие «сущности» рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций, были взяты соответственно: рабовладельческие Афины и Рим классической эпохи, феодальная Франция, капиталистическая Англия. С учетом сосредоточения марксизма лишь на определенных аспектах социальной жизни этих обществ, они фактически были превращены в своего рода веберовские идеальные типы, но при этом обладали онтологическим статусом⁸ (подробнее об этом см. в разделе V).

В попытках открыть неизменные законы истории исторический материализм значительно преуменьшил роль внешних факторов

⁷ С этим связана и бесконечная критика диалектики марксизма (в том числе в рамках самого марксизма, начиная с Д. Лукача).

⁸ Такая операция была неосознанно совершена уже самими основоположниками марксизма, и окончательно закреплена теми, кто пытался завершить и построить теорию исторического материализма.

в развитии общества. Стала преобладать тенденция представления общества как в основном эндогенной системы, на которую внешние вызовы, экзогенные влияния не оказывают особого воздействия. Отсюда сформировались представления о движущих силах развития общества как некоей встроенной силе, которая разворачивается независимо ни от чего, почти как абсолютный дух у Г. В. Ф. Гегеля.

С этим же была связана крупная методологическая ошибка, свойственная и классическому эволюционизму, согласно которой все общества развиваются одинаково, проходя одни и те же стадии развития. Но поскольку общества существуют в суперсистеме внешнего окружения (и чем позднее эпоха, тем больше эта суперсистема вплоть до Мир-Системы), то в ней складываются собственные законы развития. Согласно последним возникают: а) разделение труда или функций в рамках международной системы; б) эксплуатация одних обществ другими; в) собственная суперструктура, где можно выделить центральные и периферийные элементы. Соответственно по причине разделения функций, внешней эксплуатации и разного положения в суперсистеме они специализируются и развиваются по разным траекториям, тогда как общее развитие свойственно лишь суперсистеме в целом, но при этом ее центральные общества оказываются ближе к общей модели развития, чем периферийные. Эти идеи были во многом воплощены в мир-системном подходе (см. ниже).

Наконец, поскольку истмат создавался прежде всего для анализа капиталистического общества, то возник некий капитализмоцентризм, из-за которого применять догматический исторический материализм для анализа докапиталистических обществ было сложно, а порой и невозможно.

Но, повторим, в настоящей работе важнее не указание на ошибки и заблуждения исторического материализма, а систематизация того ценного, подтвержденного временем, что можно развивать. В этом аспекте следует рассматривать истмат не как законченную теорию, а скорее, по выражению М. Адлера, как программу научных исследований, которая еще далеко не реализована [см.: Арон 2010 [1968]: 372–373].

II. Основные идеи исторического материализма

В данном разделе будет дано очень сжатое изложение основных положений истмата с кратким комментарием к ним. Однако крайне важно понимать, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса много лакун, неясностей и прямых противоречий, отсутствуют важнейшие дефиниции, а у их продолжателей и в разных марксистских школах налицо серьезные различия в интерпретациях, терминологии и многом другом.

Периодизация истории. Общества и человечество в целом в своем историческом развитии проходят пять ступеней, или общественно-экономических формаций. Это первобытная (или первобытно-общинная), рабовладельческая (в ряде работ называемая античной), феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации. Соответственно числу формаций выделяется пять способов производства с аналогичным формационным названием (анализ обоих терминов представлен ниже).

В отношении периодизации истории в марксизме имеются разные интерпретации (о них мы скажем в разделе V). Но представляется, что приведенная пятичленная периодизация, которая была создана в соответствии с поздними взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса, наиболее адекватна истмату. Переход к новому способу производства и формации обуславливается изменениями в производительных силах и ведет к радикальному изменению всех элементов и отношений в обществе, то есть осуществляется путем глубокой социальной революции.

Фактически критерием периодизации выступали отношения собственности на средства производства, а не декларируемые уровни производительных сил, что было шагом назад по сравнению с периодизациями предшественников К. Маркса XVIII в. (Ж. Тюрго, А. Барнав, А. Смит, А. Фергюсон и др.), которые клали в основу периодизации именно развитие производительных сил: охоту, пастушество, земледелие, промышленность [подробнее см.: Илюшечкин 1986; 1990; Гринин 2012: Лекция 8]. Но, конечно, необходимо учитывать, что у предшественников Маркса эта периодизация была скорее некоей преамбулой к их идеям, которую они не пытались применить к истории конкретных стран и не излагали

сколь угодно подробно, то есть в отличие от истмата она не была у них системообразующей теорией.

Поскольку в историческом материализме не были четко логически разведены уровень отдельного общества и уровень общечеловеческий (см. выше), при приложении данной периодизации к конкретной истории возникло много сложностей и неразрешимых противоречий. В частности, из-за того, что большинство известных обществ не проходили рабовладельческую формацию, было много дискуссий и сложностей.

Сейчас понятно, что фактически переход к новой формации возможен только на уровне надобщественном (сначала хотя бы на уровне крупного региона, а далее и в еще больших масштабах). В процессе такого перехода отдельные общества либо вовсе исчезают (например, сливаются в более крупное общество, как племена и вожества в государство), либо оказываются неспособными к такой трансформации и гибнут, становятся объектом подчинения или стагнируют. Фактически вплоть до самого недавнего времени эволюционный прорыв к качественно новому уровню в одном месте (обществе) мог состояться только за счет гибели, стагнации, отклонения от главного движения и т. п. массы других обществ (см. Гринин 2006; 2007; 2009; Гринин, Коротаев 2016).

Вот почему перейти к новой формации способны только немногие общества, оказавшиеся в исключительно благоприятных для этого условиях, вот почему далеко не каждое конкретное общество является повторением в малом масштабе общего эволюционного развития, а только некоторые из них и лишь на отдельных периодах макроэволюции (и то с большими оговорками). И здесь возникает очень важный вопрос о причинах того, почему именно в данном обществе случился такой значительный переход, например, почему промышленная революция произошла в Британии.

Поэтому вновь подчеркнем: все еще очень распространенный, и не только в историческом материализме, взгляд, согласно которому все общества и народы имеют одинаковые стадии развития и различаются только временем их прохождения, принципиально неверен. Эволюция – это, образно говоря, не широкая лестница, по которой рано или поздно могут подняться в одном направлении и самостоятельно все, а самый сложный лабиринт, выход из которого

без заимствований находят лишь некоторые (и то лишь на каком-то определенном этапе), а в конечном счете найти «выход из лабиринта» совершенно без всяких заимствований не смогло ни одно общество [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2016: гл. 1; Grinin 2009; Grinin, Korotayev 2009; Гринин 2018].

Поскольку одно общество способно быть мир-системным лидером только ограниченное время, фактически можно говорить о своего рода эстафете [см.: Гринин 2006; 2009; Grinin 2012; Bertram 1990], в которой лидеры на определенном историческом периоде, истощив свои потенции, как бы передают лидерство новому обществу, при этом размеры лидирующих обществ растут от формации к формации.

Способ производства, производительные силы и производственные отношения. Способ производства – одна из ведущих категорий истмата, по сути, центральная, на системном уровне объясняющая, как общество функционирует и почему меняется. Способ производства – это единство производительных сил и производственных отношений. Важнейшая идея, проясняющая модель взаимоотношений двух частей способа производства, состоит в том, что определенному уровню производительных сил соответствует определенная система производственных отношений. И наоборот: «...производственные отношения... соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [Маркс 1959: 6]. «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [Его же 1985: 60]. Но единство между производительными силами и производственными отношениями не постоянное, а имеющее определенные фазы состояний. На одной фазе они полностью соответствуют друг другу. Но затем соответствие между производительными силами и производственными отношениями исчезает, что и становится мощнейшим источником развития. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [Его же 1959: 7]. Это были очень глубокие идеи, к сожалению, системно не разработанные. У классиков

марксизма они фактически прикладывались только к двум формациям: феодальной и капиталистической. Попытки найти кардинальные различия в производительных силах рабовладельческой и феодальной формаций не увенчались успехом [Гринин 1997; 2006; 2007; 2009; Blackledge 2006: гл. 2]. А к первобытной формации были отнесены как охотники-собиратели, так и ранние земледельцы-скотоводы, то есть общества, имеющие принципиально различные производительные силы, между которыми лежал крупнейший технологический переворот в истории – аграрная революция, приведшая к переходу от присвоения пищи к ее производству.

Если использовать эту идею и развить ее логически, чтобы избежать указанных выше противоречий и нестыковок, то можно представить развитие уровней производительных сил и соответствующих им отношений в достаточно стройной и непротиворечивой системе [это сделано мною в ряде работ: Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin 2007; 2012; Grinin L., Grinin A. 2016]. Тогда мы видим в историческом процессе человечества (но не каждого общества) четыре крупнейшие производственные (технологические) эпохи, которые я назвал принципами производства: 1) охотничье-собирательский; 2) аграрно-ремесленный; 3) промышленно-торговый; 4) (неизвестный во времена Маркса, современный) научно-кибернетический (связанный с переходом к информационным и самоуправляемым технологиям). Им соответствуют общества с самыми разными формами устройства, адекватными конкретным формам производительных сил, но на общем уровне соответственно: общества с доэкономическим типом отчуждения, внеэкономическим, полуэкономическим и экономическим типами отчуждения. Здесь, как видит читатель, мною также использована Марксова идея отчуждения [см.: Гринин 2000; 2006; 2007].

Производительные силы. В главе 5 первого тома «Капитала» К. Маркс [Маркс, Энгельс 1960: 188–197] в связи с необходимостью анализировать категорию «труд» дал представление о структуре производительных сил. В частности, производительные силы включают в себя средства производства, то есть предмет труда (или объекты, на которые направлен труд, включая землю, почву, воду, древесину, полезные ископаемые и т. п.), и средства труда (то есть

орудия труда и прочие средства труда: транспортные, хранилища и т. п.) [Маркс, Энгельс 1960: 189]. Наконец, в структуру производительных сил включались и люди как работники с их умениями, навыками, знаниями технологий. Такая структура производительных сил может быть плодотворно использована (при определенном развитии) и в современной науке. Однако система причин, благодаря которым производительные силы имеют неуклонное стремление к развитию (а равно причины, почему производительные силы во многих случаях пребывали в застое или деградировали), классики марксизма, как и их последователи, не проанализировали с нужной полнотой. Для капиталистического способа производства это казалось ясным. И, например, в «Манифесте коммунистической партии» было верно указано, что «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства» [Их же 1955: 427]. Но это не могло быть объяснением для докапиталистических формаций.

Производственные отношения. Отношения и формы собственности. Производственные отношения определялись как не зависящие от воли людей отношения, совокупность которых составляет экономическую структуру общества [Маркс 1959].

Юридическим выражением производственных отношений выступают отношения собственности. В историческом материализме выделялись четыре фазы/формы в производственных отношениях: отношения соответственно в производстве, обмене, распределении и потреблении. Отношения в производстве, как связанные с собственностью на средства производства, считались среди них определяющими. Но это не соответствовало реалиям многих исторических обществ, где главными формами эксплуатации и обогащения были обмен и обращение (например, торговля и торговые монополии) или распределение (например, налоги, завышенные выплаты и льготы чиновникам и военным, либо вовсе внешние насильственные формы, от военного грабежа до дани и колониальной эксплуатации)⁹.

⁹ Поэтому я предлагал объединить все эти формы общей категорией «распределительные отношения», поскольку распределение начинается уже с момента производства и кончается потреблением благ [см.: Гринин 1997; 2007].

Таким образом, между категориями «производственные отношения» и «отношения собственности на средства производства» в марксизме фактически возникает тождество. В итоге отношения собственности на средства производства становятся инвариантными в применении к категориям «способ производства» и «общественно-экономическая формация». Иными словами, каждому способу производства/формации строго соответствует определенная форма собственности. А именно, пяти способам производства (и пяти формациям) соответствуют: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая (буржуазная) и коммунистическая формы собственности¹⁰. Но если в капиталистическом (и в некотором отношении в античном) обществе юридические формы собственности и были развиты, то поиск и идентификация общинных, феодальных и рабовладельческих форм собственности часто оказывались контрпродуктивными, поскольку юридические отношения в этих обществах были крайне запутанными, слабо развитыми или вовсе отсутствовали. На практике они оказывались столь разнообразными, регламентированными, связанными с обычаями, что подвести их к одной категории без серьезного искажения оказывалось невозможным. Столь сильное преувеличение роли отношений собственности в докапиталистических формациях создало порочную логику в марксистской социологии и историографии, которую так и не удалось преодолеть.

Базис и надстройка. Общественно-экономическая формация. Общественное бытие и общественное сознание. Совокупность производственных отношений трактовалась Марксом как «реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [Маркс 1959: 7]. В последней фразе цитаты заключена ведущая идея. Иными словами, уровень производительных сил определяет и форму отношений в процессе производства

¹⁰ И, как сказано выше, таким образом, критерием периодизации в истмате становятся формы собственности. Отметим, кстати, что детерминатив «общинная» к первой формации понадобился, чтобы описать форму ее собственности.

(то есть производственных отношений). Но по изложенным выше причинам производительные силы уже в этой цитате Маркса как бы редуцировались и получилась формула, согласно которой производственные отношения, или отношения собственности (= базис), определяют все остальные отношения в обществе. Именно против этого положения особенно активно выступали все критики марксизма, да и часть представителей западного марксизма. Несмотря на пояснения Ф. Энгельса об обратном влиянии надстройки на базис (например, в письмах К. Шмидту от 5 августа и 27 октября 1890 г. [Маркс, Энгельс 1965: 370, 414–420]) и бесчисленные более поздние объяснения, марксисты не сумели создать реальной диалектики взаимоотношения базиса и надстройки, прежде всего из-за канонизации понятия отношений собственности.

Способ производства и надстройки вместе составляли важную категорию истмата – общественно-экономическую формацию (термин, заимствованный в последней части из геологии). Но, к сожалению, из-за абсолютизации форм собственности эта категория во многих случаях просто дублировала категорию «способ производства».

Идея определения производственными отношениями всех остальных тесно увязывалась и с важной идеей, согласно которой «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс 1959: 7]. На ней зиждились категории общественного бытия и общественного сознания, в целом вполне продуктивные, впоследствии использованные как близкими к марксизму, так и иными школами (для выработки теорий идеологий и коллективного бессознательного).

Классы и движущие силы истории: классовая борьба и революции. Фактически из идеи Маркса о том, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями», вытекало, что в основной период развитие в обществе идет медленно, эволюционно, что основная подспудная работа истории заключается в накоплении перемен. А периоды социальных трансформаций и революций, когда накопившиеся перемены переходят в новое качество, составляют промежуточные эпохи. Никогда не отрицая этого, марксисты, однако, предпочитали

сосредоточиться именно на этих бурных и переходных эпохах, невольно умаляя тем самым значение медленных материальных изменений и преувеличивая роль социальных революций как движущих сил истории (соответственно везде предпочитая революции мирным изменениям). Определения общественных классов дал В. И. Ленин [1970: 15]. Главной характеристикой этих больших групп людей выступало то, что было вполне логично, – место в общественном производстве и их отношение к средствам производства (собственности). В историческом материализме главное место занимали так называемые антагонистические классы (рабы и рабовладельцы, феодалы и зависимые крестьяне, капиталисты и наемные рабочие), между которыми в той или иной форме имела место непрерывная классовая борьба. Однако в реальной истории антагонистические классы обычно не представляли собой большинство населения, а сосуществовали с неантагонистическими классами (крестьянами в рабовладельческом и капиталистическом обществе, мелкой буржуазией в капиталистическом обществе и т. п.). Этот факт сильно мешал приложению классовой теории к истории многих обществ.

Таким образом, историческое развитие, согласно историческому материализму, происходит в результате развития производительных сил, что ведет к напряжениям существующих производственных отношений и отношений собственности, которые, в свою очередь, приходят в противоречия с существующими юридическими и политическими отношениями. В обществе нарастают классовые противоречия, классовая борьба перерастает в социальную революцию, которая в конечном счете ведет к устранению отживших отношений и изменению всей структуры общества, поскольку «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [Маркс 1959: 7]. Далее новые производственные отношения открывают простор для развития производительных сил, которые затем рано или поздно вновь начинают опережать в развитии производственные отношения и цикл воспроизводится.

III. Основные достижения исторического материализма

Материалистическое понимание истории. Важнейшей заслугой марксизма был переход к последовательному материализму

в объяснении исторического процесса, что открывало поиск реальных, а не мистических или спекулятивных причин развития человеческого общества и исторических процессов. Господствующие до этого взгляды на данный предмет объективно исчерпали себя, хотя с появлением марксизма вовсе не исчезли, а продолжали довольно долго существовать¹¹. К этому времени идея всемирной истории как цельного процесса уже утвердилась. Отказ от религиозной или идеалистической философии истории, нашедшей высшее выражение в концепциях И. Г. Фихте и особенно Г. В. Ф. Гегеля, мог быть основан только на переходе к материалистическому толкованию истории. Но для этого требовалось сформулировать концепцию движущих сил истории. К. Маркс и Ф. Энгельс сделали это в системе впервые, создав исторический материализм.

До Маркса и Энгельса в понимании истории и тем более в философии истории материализма, по сути, не было. В лучшем случае можно говорить об отдельных направлениях материалистического понимания истории, о тяготении к материалистическому пониманию истории, как, например, у А. Тюрго [Попов-Ленский 1924]. До них (и параллельно с ними) существовал только один вид материализма – географический, идущий еще от произведений Ж. Бодена, Ш. Монтескье и особенно полное выражение нашедший у А. Барнава (но работы последнего появились только в 1843 г., то есть через 50 лет после его казни). Был еще, конечно, демографический материализм в лице Т. Мальтуса, но, во-первых, это нельзя назвать полноценной философией истории (скорее, политической философией), а во-вторых, Мальтус пытался объяснить только негативный опыт исторического развития. Ближе к материалистическому пониманию истории были взгляды А. Сен-Симона (недаром Маркс и Энгельс столь много заимствовали у него), но и он колебался между религиозными идеалами (и созданием новой религии) и материализмом.

Таким образом, только К. Маркс и Ф. Энгельс стремились полностью и последовательно отказаться от теологических и идеали-

¹¹ Среди наиболее распространенных взглядов на историю, сформировавшихся в XVII – первой трети XIX в. и ставших в конечном итоге маргинальными, отметим идеалистический взгляд на общество как на продукт высшей воли, реализацию особого духа народа или продукт деятельности выдающихся личностей, или о том, что страсти определяют развитие общества.

стических оснований в своих концепциях, а в других школах философии истории отказ от них стал нормой существенно позже. Причем именно истмат существенно повлиял на этот поворот европейской науки, который был крайне важен, поскольку, повторим, это заставляло искать реальные, а не выдуманные или спекулятивные источники и причины развития общества, видеть долгосрочные тенденции, связанные с длительными процессами, что открывает большие возможности познания исторического развития¹².

В целом возникновение материалистического понимания истории обуславливалось наглядным ростом значения материального производства. К. Маркс и Ф. Энгельс по ряду причин быстрее других философски осмыслили это, и осмыслили системно. И крайне важно, что в построении концепции материалистического понимания истории они пытались поставить во главу угла развитие производства (производительных сил).

Гениальность Маркса и Энгельса, как это бывает в истории науки, заключалась в том, что они объединили во многом уже готовые взгляды в одну систему, которая обрела новое качество, особые эмерджентные свойства. Хотя это была не завершенная философски и социологически система, а только ее грубые наброски, но даже и в таком виде быстро обнаружились ее мощные эвристические и методологические свойства, которые, к сожалению, серьезно не реализовались в научном плане, поскольку основной целью истмата было обоснование социалистической революции.

Идея о первичности производительных сил. Маркс и Энгельс объяснили механизм первичного влияния производительных сил на процесс изменения общества, а также оставили ценное наследие в области терминологии, в плане характеристики структуры производительных сил и их связи с природой. Хозяйство разных обществ исключительно разнообразно. Поэтому удачей было нахождение категории, которая могла объединить и хозяйство дикаря, и современную экономику. Когда исследование технологий и материального производства стало важной темой в западной об-

¹² На первых порах на европейскую науку, конечно, сильно повлиял экономический материализм марксизма, который стимулировал различных ученых к исследованию законов и истории развития экономики (из многих укажем М. Вебера, К. Бюхера, В. Зомбарта, М. Ростовцева).

щественной науке во второй половине XX в., использование этой категории и попытки наметить уровни производительных сил ставились Марксу в заслугу некоторыми западными авторами (такими как Р. Арон или Д. Белл). Стоит отметить, что понятие производительных сил в отличие от других категорий исторического материализма классово нейтрально, что делает его еще более ценным.

Напомним, что, согласно истмату, изменение уровня развития производительных сил неизбежно ведет к изменению всех остальных сфер общества, причем такая смена происходит не автоматически и не сразу, а вследствие разрешения структурного и системного кризиса в обществе¹³. К этому нужно добавить еще одну важную идею, которая объясняет механизм работы некоторых исторических процессов: что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [Маркс 1959: 7].

Несмотря на определенные упрощения, это были важные методологические идеи, которые являются продуктивными и в настоящее время и продолжают развиваться, в том числе в марксизме [см., например: Cohen 2004]. В целом идея о том, что именно изменения в материальной жизни в течение длительного времени (а они прежде всего были связаны с изменениями в технологиях, то есть в производительных силах) обуславливают кардинальные изменения в остальной жизни, хотя и с большим временным лагом, стала популярной среди экономических историков и мыслителей. Как образно выражался Ф. Бродель, именно материальная жизнь несет все на своей широкой спине [Бродель 1993]. Это также нашло свое воплощение в теориях производственных (технологических) революций (см. выше), где идеи марксизма о примате (*primacy*) производительных сил и о революциях дали синергетический эффект в объяснении исторического процесса.

¹³ Последнее, правда, далеко не всегда совершается в формах социальной революции, но тем не менее всегда влечет за собой серьезные кризисные явления или даже катаклизмы.

Однако в марксизме, к сожалению, эта идея не получила (и не могла получить) полного развития (см. выше).

Системность, структурность, моделирование и связанная с ними методология. Хотя об этом нечасто пишут, важно иметь в виду, что марксизм предвосхитил использование системного метода, который позже, в 1950–1960-х гг., получил теоретическое обоснование и мощное развитие в мировой науке. К. Маркс и Ф. Энгельс, по сути, представили общество как систему (хотя они редко используют этот термин), которая может существовать благодаря единству и борьбе противоположностей. К числу таких важных системных частей относились и классы, находящиеся в постоянной борьбе. К категориям, показывающим системность общества, существующую благодаря соответствию ведущих ее элементов и меняющуюся (в том числе качественно и уровнево), когда эти пропорции нарушаются, относятся такие, как базис и надстройка, производительные силы и производственные отношения, общественное бытие и общественное сознание и др.

Это был новаторский способ анализа, который позволял открыть важные движущие силы истории (о них см. ниже). В этом отношении (как и в ряде других) Маркс и Энгельс сформулировали, по сути, методологические идеи (хотя им они казались онтологическими) и тем самым обозначили важные принципы исследования (хотя им и их последователям, возможно, это и казалось уже решением). Указанные категории (базис – надстройка, производительные силы – производственные отношения, к которым стоит добавить еще форму – содержание), по сути, представляют собой бинарные оппозиции. Именно последние, составляющие источник выстраивания социальных отношений и ментальных конструкций, в качестве универсального средства рационального описания мира используются в структурализме, который был и остается важным направлением французской социальной науки. То есть указанный метод предвосхищал современный структурализм. Недаром Р. Арон даже говорил о протоструктурализме Предисловия «К критике политической экономии» и «Капитала» [см.: Арон 2010 [1968]: 362].

Однако нельзя не отметить, что эти бинарные элементы, во-первых, сами имеют сложную структуру (например, «надстройка» также имеет внутреннюю структуру, а общественное сознание –

семь форм и т. д.), во-вторых, включены в более крупную систему, которую венчает термин «общественно-экономическая формация».

При развитии используемых в истмате методов можно представить соотношение структурных элементов в бинарных оппозициях, например, между производительными силами и производственными отношениями, и как модель, имеющую несколько фаз состояния: а) состояние соответствия; б) нарастание противоречий; в) состояние, когда формы становятся оковами для развития и тормозят его; г) слом старых форм; д) формирование новых отношений, которые на определенный период дают большой простор для развития; е) их притирка. В истмате это развитие представлялось как единство и борьба формы и содержания (в частности, между базисом и надстройкой, производительными силами и производственными отношениями), и использование этих категорий накладывало на метод заметный идеалистический отпечаток. Но даже несмотря на это, данная методология моделирования различных состояний структур вполне пригодна для анализа определенных эпох и процессов.

Другой продуктивный метод, намеченный в истмате, – представление о доминирующем элементе в системе, развитие которого ведет к изменениям (развитие производительных сил ведет к изменениям в производственных отношениях). Он весьма продуктивен, если, конечно, уйти от абсолютизации доминирования, то есть ясно понимать, что абсолютно доминирующего элемента в обществе нет и быть не может, а есть возможность принять таковой за точку логического отсчета. Но при принятии такого допущения выбор некоторых элементов в качестве относительно доминирующих (в частности, производительные силы) дает большой эффект в понимании прямых и обратных зависимостей.

Эффективно можно использовать и многоаспектность исследования общества как системы, предпосылки чего мы видим в истмате. В одной версии анализа система представлялась как противоположность и связанность материальных и социальных элементов (производительные силы – производственные отношения), в другой – как система экономических и иных отношений: юридических, политических, духовных (базис – надстройка), в третьей – как система онтологических и эпистемологических элементов (общественное бытие – общественное сознание).

Движущие силы, законы диалектики и методология. Среди движущих сил истории в истмате всегда особое внимание уделялось классовой борьбе и революциям (последние трактовались как локомотивы истории). Но в настоящем исследовании более важно обратить внимание на иные движущие силы исторического процесса (условно говоря, более глубинные и менее заметные на коротких периодах). Во-первых, это результат взаимодействия частей системы, находящихся в диалектическом единстве, но реализующихся опосредованно, помимо воли людей и часто незаметно для них или непонятным образом. Так, в частности, мы уже говорили о нарушении соответствия производительных и производственных сил, что приводит к изменению всей системы, создает условия для социальной революции. Во-вторых, это еще более абстрактные силы в виде законов диалектики. Три ее закона К. Маркс и Ф. Энгельс заимствовали у Г. В. Ф. Гегеля и приложили к истории (обществу). Конечно, чтобы довести эту методологическую операцию до конца, необходимо было отказаться от детерминизма в отношении законов и от примитивистской идеи, что сознание «отражает» действительность, а не моделирует ее более или менее точно с помощью логических категорий и языковых конструкций. Но, несмотря на это, в целом подход оказался продуктивным, позволившим увидеть эндогенные движущие силы в обществе. В частности, закон перехода количества в качество на абстрактном уровне объяснял, каким образом медленные и незаметные изменения, например в развитии техники, могли при накоплении привести к нарушению баланса в обществе и осознанию необходимости изменить социальные отношения. Закон единства и борьбы противоположностей показывал, каким образом борьба антагонистических классов могла рассматриваться в качестве движущей силы развития общества; он мог быть также применен к анализу взаимоотношений базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений. И хотя, повторим, в марксизме методология часто принималась за онтологию, то есть используемые для анализа категории, законы и их отношения воспринимались как реальные сущности, тем не менее при отказе от такого «реалистского» философского подхода это становится продуктивной исследовательской методологией, особенно если применять ее в совокупности с методом историзма

(о нем см. ниже). Тогда можно использовать систему фундаментальных исследовательских принципов (по сути, сформулированных в истмате), объясняющих циклы развития. Это могло бы выглядеть так: а) новое всегда появляется в рамках старого; б) при этом до некоторого периода старые формы способствуют развитию нового; в) но затем, согласно закону перехода количества в качество, незаметные изменения ведут в итоге к масштабным; г) накопление изменений приводит к разбалансировке системы, тогда формы, соответствующие развитию, превращаются в оковы, и в результате происходят слом старого и быстрая замена его новым.

Завершая разговор о движущих силах истории, нельзя вновь не отметить, что истмат, во-первых, преуменьшал роль эволюционных форм развития и преувеличил роль революционных, во-вторых, принижал роль внешних сил, в частности взаимоотношения между системой и окружающей средой (в том числе географической)¹⁴. Как бы в ответ на эти недостатки возник эволюционизм в виде учения Г. Спенсера, в котором как раз основной упор делался на эволюционные изменения (в частности, на дифференциацию) и взаимоотношения организма и среды [Bertram 1990].

Завершая раздел, можно согласиться с П. Андерсоном [1991: 235], что к несомненным достоинствам истмата относится масштаб этой теории.

IV. Развитие исторического материализма после К. Маркса и Ф. Энгельса

Достраивание исторического материализма. Поскольку исторический материализм рассматривался как центральная часть учения марксизма о переустройстве мира, как обоснование неизбежности этого переустройства, особенности его развития тесней-

¹⁴ К сожалению, не только не нашли дальнейшего предложения и развития, но и подвергались критике верные положения Г. В. Плеханова (особенно для докапиталистических обществ), что именно свойства географической среды во многом формируют производительные силы и обуславливают их развитие, а уже потом развитие производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений [Плеханов 1922; 1958: 83]. Попытки учесть роль географической среды предпринимались и Н. И. Бухариным в «Теории исторического материализма» (1928), но его идеи в СССР оказались вне официального марксизма.

шим образом связаны с успехами или неудачами революционного движения. В последние десятилетия XIX в. в связи с созданием массовых легальных социал-демократических партий вопросы исторического материализма становятся менее значимыми по сравнению с вопросами политической борьбы и теории революции¹⁵. Тем не менее проблемы исторического материализма оставались в центре внимания крупнейших теоретиков второго поколения марксистов. Целый ряд работ вышел в 1890-е гг. В частности это: «Исторический материализм» Франца Меринга (1893), «К вопросу о монистическом понимании истории» Георгия Плеханова (1895) «Очерки материалистического понимания истории» Антонио Лабриолы (1896 [Лабриола 1960])¹⁶. Работы Николая Бухарина «Теория исторического материализма» (1921 [Бухарин 1928]) и Карла Каутского «Материалистическое понимание истории» (1927 [Каутский 1931]) вышли уже много позже (Бухарин к тому же был из более молодого поколения марксистов)¹⁷. Задачей этих теоретиков было изложить проблемы истмата более или менее системно, разъяснить непонятные или спорные места, решить проблемы, которые не были разрешены Марксом и Энгельсом¹⁸. Словом, в основном

¹⁵ В нелегальной РСДРП эти вопросы тем более преобладали над проблемами истмата.

¹⁶ Важная работа из этого ряда Г. В. Плеханова «О материалистическом понимании истории» (1897) стала своего рода ответом на данную книгу Лабриолы.

¹⁷ На наш взгляд, работа К. Каутского – едва ли не лучшее марксистское произведение на тему о материалистическом понимании истории, где автор сумел интегрировать в марксизм некоторые идеи других исследователей, отойти от ряда тупиковых ограничений классического марксизма, в частности в отношении умаления значения внешних факторов в истории (и в отношении завоеваний и образования государств), сумел кое-что добавить в решение проблемы роли личности и др. К сожалению, эта работа Каутского недостаточно известна и используется.

¹⁸ Но отметим, что работы 1890-х гг., конечно, не были систематизацией истмата в полном смысле слова. В 1925 г. Д. Лукач, в частности, отмечал в связи с выходом учебника Н. И. Бухарина, что в марксистском лагере со времен «Анти-Дюринга» Энгельса не предпринималось подобных попыток – за исключением брошюры Плеханова, – и систематизация учения отдавалась на откуп противникам марксизма [Лукач 1923]. Впрочем, Бухарина Лукач вполне справедливо упрекал в упрощенчестве [Там же; Его же 2006]. С другой стороны, Бухарин писал не монографию, а популярный учебник. Еще более упростил проблемы, взяв многое

их усилия были направлены на то, чтобы достроить исторический материализм [Андерсон 1991: 17]. Их попытки его развить в целом не увенчались серьезным успехом, так как не смогли выйти за рамки его ограничений, о которых уже было сказано выше. На Западе попытки развить и систематизировать исторический материализм в его классической форме закончились в 1920-х гг. вместе с последними революционными вспышками. В СССР, конечно, это продолжалось дольше. Но здесь истмат был догматизирован и разрабатывался в тех рамках, которые были заданы небольшими и полностью лишенными реальной диалектики работами И. В. Сталина, например, его статьей, опубликованной в 1938 г. в газете «Правда», «О диалектическом и историческом материализме» [Сталин 1950].

Следующее поколение марксистов (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, О. Бауэр и др.) было не столь сильно озабочено достраиванием истмата, хотя и внесло в него определенный вклад (например, в вопросах о государстве, финансовом капитале и империализме, классах и нациях; последняя тема была особенно актуальной среди австромарксизма и российских социал-демократов). Основные проблемы, волновавшие их, были связаны с партийными проблемами и интерпретацией исторического материализма в свете новых реалий: роста уровня жизни рабочих, обретения населением избирательных прав, изменениями в накоплении капитала и переходом к империализму; обсуждением национального и женского вопросов, проблемами брака и семьи и пр. Но особенно – с революционной теорией, включая диктатуру пролетариата, организацию вооруженного восстания и государственного строительства. Однако для нашей темы это менее интересно.

Окончание следует.

Литература

Андерсон П. На путях исторического материализма. М. : Интер-Версо, 1991.

у Бухарина, И. В. Сталин (см. вторую часть статьи в следующем номере журнала «Философия и общество»).

Арон Р. Неоднозначный и неисчерпаемый. Выступление на заседании ЮНЕСКО, посвященном 150-летию со дня рождения Маркса / Р. Арон // *Воображаемые марксизмы*. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2010 [1968]. С. 354–376.

Башляр Г. *Новый рационализм*. М., 1987.

Белл Д. *Приход постиндустриального общества*. М. : АСТ, 1999.

Бродель Ф. *Динамика капитализма*. Смоленск : Полиграмма, 1993.

Бухарин Н. И. *Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии*. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928.

Гринин Л. Е. Распределительные отношения. Формации и цивилизации. Гл. 3 (§ 4) // *Философия и общество*. 1997. № 4. С. 5–62.

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // *Философия и общество*. 1997. № 1 – 2001. № 3.

Гринин Л. Е. 2000. Тип отчуждения благ и личности. Формации и цивилизации // *Философия и общество*. 2000. № 4. С. 5–47.

Гринин Л. Е. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006.

Гринин Л. Е. *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М. : КомКнига, 2007.

Гринин Л. Е. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Гринин Л. Е. *От Конфуция до Конта. Становление теории, методологии и философии истории: уч. пособ.* М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Гринин Л. Е. Исторический материализм в западном марксизме. Размышления над судьбой концепции // *Вопросы философии*. 2018. № 10. С. 90–101. DOI: 10.31857/S004287440001153-3.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.

Гринин Л. Е., Кортаев А. В. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. 2-е изд. М. : URSS, 2016.

Джеффрис С. Почему марксизм снова на подъеме [Электронный ресурс] : ИноСМИ.ру. 2012. 6 июля. URL: <http://inosmi.ru/europe/20120706/194575698.html>.

Илющечкин В. П. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М. : Наука, 1986.

Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М. : Наука, 1990.

Карнап Р. Значение и необходимость. М. : Ин. лит-ра, 1959.

Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М.; Л., 1931.

Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М. : Прогресс, 1972.

Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М. : Наука, 1960.

Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 1–29.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973. С. 40–48.

Лукач Г. 1923. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике [Электронный ресурс]. URL: <http://mesotes.ru/lukacs/Historiiklass/hist-klass-sod.htm>.

Лукач Д. 2006. Рецензия на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма» / Д. Лукач // Политические тексты. М. : Три квадрата, 2006. С. 197–211.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 13. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 5–9.

Маркс К. Ницета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избр. соч. М. : Политиздат, 1985. Т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 4. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1965.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М. : Наука, 1977.

Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. М. : Московский Рабочий, 1922.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 4. М. : Госполитиздат, 1958.

Попов-Ленский И. Л. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. К характеристике историко-философских идей в XVIII веке. М.; Л. : Красная новь, 1924.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Поппер К. Нищета историцизма. М. : Прогресс, 1993.

Раинко С. Марксизм и его критики. М. : Прогресс, 1979.

Сталин И. В. Собр. соч.: в 12 кн. Кн. 2. М. : Красный пролетарий, 1950.

Уайтхед А. М. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990.

Aronowitz S. The Crisis in Historical Materialism: Class, Politics and Culture in Marxist Theory. Houndmills; London, 1990.

Bertram C. International Competition in Historical Materialism // *New Left Review*. 1990. No 183: 116–128.

Blackledge P. Reflections on the Marxist Theory of History. Manchester : Manchester University Press, 2006.

Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History: A Defence. New York : Oxford University Press, 2004.

Eagleton T. Why Marx Was Right. New Haven; London : Yale University Press, 2011.

Grinin L. E. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach // *Social Evolution & History*. 2007. Vol. 6. No. 2. Pp. 75–120.

Grinin L. E. The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation // *Social Evolution & History*. 2009. Vol. 8. No. 1. Pp. 92–132.

Grinin L. E. Macrohistory and Globalization. Volgograd : Uchitel, 2012.

Grinin L., Grinin A. The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems. Moscow : Moscow branch of "Uchitel" Publishing House, 2016.

Grinin L. E., Korotayev A. V. The Epoch of the Initial Politogenesis // *Social Evolution & History*. 2009. Vol. 8. No. 1. Pp. 52–91.

Wittfogel K. A. Oriental Despotism. New Haven : Yale University Press, 1957.